

НАРОДЫ АМЕРИКИ

W. W. Newcomb, *The culture acculturation of the Delaware Indians*. «Anthropological papers, Museum of anthropology», University of Michigan, No 10, Ann Arbor, 1956, 131 + 10 стр.

Американский этнограф Вильям Ньюкомб поднимает в своей книге вопрос об аккультурации небольшого индейского народа — делаваров. В 1951—1952 гг. он провел два экспедиционных сезона у делаваров Оклахомы, жизнь которых и дала ему материал для написания разделов, посвященных собственно аккультурации.

Изучение процессов консолидации и приобщения к более высокой культуре у народов, еще в недавнем прошлом стоявших на стадии первобытно-общинного строя, представляет общетеоретический интерес. Представляется весьма удачным выбор именно делаваров для характеристики этих процессов, так как они раньше многих других индейских племен США подверглись европейскому влиянию.

История и культура делаваров всегда привлекали внимание исследователей. Обширная библиография работ об этом народе начинается с 1698 г.¹ О делаварах писали Л.-Г. Морган, А. Грдличка, Джеймс Мунн, Франц Боас, А. Скиннер, Ф. Спек и многие другие известные американские исследователи. Однако современное состояние культуры делаваров до сих пор освещалось слабо. Вильям Ньюкомб взял на себя эту задачу и попытался в сравнительно небольшой по объему работе показать, как изменялись различные стороны культуры делаваров под влиянием европейцев.

Книга делится на две части. В первой Ньюкомб коротко, но очень четко, пользуясь богатым литературным материалом, характеризует самобытную культуру делаваров. Автор реконструирует старую культуру делаваров, близко напоминающую культуру охотников и земледельцев востока Северной Америки — ирокезов, мускогов и других племен. Вторая часть книги, названная автором «Изменение культуры делаваров», содержит две главы: «Аккультурация делаваров» и «Ассимиляция делаваров».

Народ, называемый с XVII в. делаварами, — смешанного происхождения. Первоначальное ядро его составили алгонкиноязычные племена манси, унами и уналачито, жившие на довольно большой территории, замыкавшейся реками Делавар на западе и Гудзон на востоке; южной границей области обитания этих индейцев был залив Делавар, а северной — истоки реки того же названия. Родственные им индейские племена монтаук, также впоследствии вошедшие в это объединение племен, занимали часть острова Лонг-Айленд и Манхаттен. Никакие приблизительные подсчеты не в состоянии дать представление о численности индейцев, вошедших впоследствии в федерацию делаваров. Войны с голландцами и англичанами, оспа и другие болезни, завезенные европейцами, алкоголизм, опустошавший индейские деревни с наименьшей быстротой, чем эпидемические болезни, — все это за первое столетие колонизации совершенно изменило жизнь алгонкин Атлантического побережья, оставив от некогда довольно многочисленных племен разрозненные, значительно уменьшившиеся в числе группы, которые позднее соединились, образуя новые народы. Одним из таких новых народов и оказались делавары, или ленне-ленепе — «настоящие люди», как они сами называют себя.

Ньюкомб прослеживает историю формирования делаваров с XVI в., наметив следующие ее этапы, которые он называет фазами аккультурации: 1524—1690; 1690—1750; 1750—1814; 1814—1867 гг.

1524—1690-е годы — так называемый период контакта, характеризуемый «первоначальной аккультурацией», выразившейся в том, что индейцы в обмен на меха приобретали европейские вещи и в меньшей степени скот. Пушная охота для обмена заняла основное место в производственной деятельности индейцев, подорвав их хозяйство, а борьба с ирокезами из-за охотничьих угодий, как известно, была одной из причин ослабления целого ряда алгонкинских племен.

1690—1750-е годы — период консолидации, началом которой Ньюкомб считает первое переселение манси и других племен в западную Пенсильванию, а затем в Огайо.

Блокированные ирокезами разрозненные, измельчавшие племена алгонкин или даже отдельные роды этих племен начинают собираться и объединяться. В 1750 г. в колониальных документах появляется не только общее для поселившихся в Огайо алгонкинских племен название делавары, но и имя их общего вождя. Ньюкомб обращает внимание на оживление у делаваров в этот период тех религиозных обрядов, которые способствовали восстановлению нарушившихся во время переселений и войн родовых и племенных связей.

1750—1814-е годы Ньюкомб называет периодом нейтивизма — временного расцвета делаваров. Он оказался недолгим, так как делавары вместе с другими индейскими племенами бассейна р. Огайо были втянуты в войны между англичанами и французами, а затем англичанами и американцами и в конце концов были вынуждены вновь переселиться, сначала в Индиану, а затем в Канзас. В этот период отмечается, с одной стороны, все большее разрушение традиционных обычаев, с другой — довольно активное освоение делаварами достижений европейской культуры. Ружья и порох, ножи и

¹ G. Thomas, *An historical and geographical account of the province and country of Pensilvania*, London, 1698.

топоры, иглы, готовое платье, металлическая домашняя утварь, зеркала и украшения европейского производства — прочно вошли в быт индейцев. Пока они еще не освоили ни плужного земледелия, ни скотоводства (лишь немногие держали лошадей для верховой езды и перевозки тяжестей, а также свиней и собак), так как частые переселения не давали им осесть на землю. Они нарушали обычный охотничий цикл, что приводило к систематическим голодовкам. В общественной жизни эти невзгоды сказались в ослаблении авторитета вождей, появлении у индейцев не известного до тех пор воровства, алкоголизма, частых разводов, непочтения к старшим и т. п., что свидетельствовало об ослаблении родоплеменной организации, прежде строго регулировавшей жизнь индейцев. Как известно, почти во всех индейских обществах — у одних еще с середины XVIII в., у других позже — возникает против этих явлений протест в виде мессианского движения. Проповедь возвращения к обычаям предков, наряду с призывом восстать против колонизаторов, достигает особой силы в начале XIX в. и подымает многочисленные племена Огайо и Миссисипи вплоть до Мексиканского залива на войну с американцами, использованную, а во многом и инспирированную Англией в ее попытке вернуть свои владения в Америке (1812—1814).

Кончается период нейтивизма поражением восставших индейцев, в том числе и делаваров, окончательно лишившихся своих земель на востоке и переселенных в Канзас, а после гражданской войны — на Индейскую территорию. Здесь они пережили все злоключения, которые выпали на долю переселяемых с востока племен: их гоняли из одной резервации в другую, с каждым разом сокращая первоначально отведенное количество земли, затем, уже в 1860 г., у большинства делаваров было уничтожено общинное землевладение и земля была поделена на участки, розданные в частную собственность членам племени, а лучшие участки в качестве «излишков» проданы Западной железнодорожной компании.

Эти тяжелые в истории делаваров годы (1814—1867) Ньюкомб недаром назвал периодом упадка. Именно в это время делавары, прибывшие на Индейскую территорию одновременно и расселенные по разным ее частям, оказались окончательно разбеденными. Разрозненные их группы общались с индейцами других языковых семей и иной культуры. Так, делавары в резервации округа Анадарко сблизились с живущими там же команчами (шононами по языку) и алгонкиноязычными чейенами и арапахами — типичными охотниками прерий. Другая часть делаваров вошла в тесный контакт со своими соседями чироками — народом высокой культуры, имевшим в XIX в. свою письменность.

В новых условиях часть делаваров (Ньюкомб не указывает, какая именно, но, очевидно, это были те, которые жили на территории чироков) перешла к занятию земледелием, выращивая главным образом кукурузу; другая же часть занялась охотой на бизона, переняв многие приемы индейцев прерий. Автор не останавливается подробно на этом очень важном периоде истории делаваров. Очень бегло сообщает он о том, что большинство делаваров сопротивлялось разделу общинных земель, что были сделаны попытки укрепить старые традиции, поднять моральный уровень народа; более того, в 1850-х годах был создан гражданский кодекс, регулировавший браки, разводы, назначавший наказания за преступления и пр.

Между тем в эти годы Индейская территория представляет арену замечательных для истории индейцев США событий: переселенные с востока «цивилизованные» земледельческие племена — чироки, крики, чоктавы и другие пытаются объединиться и вовлечь в свой союз местные охотничьи племена, чтобы противостоять дальнейшему разрушению индейской культуры и изъятию индейских земель. Разрозненные индейские племена сумели преодолеть и традиционные враждебные отношения и рознь, посеянную между ними колонизаторами, они впервые стали осознавать единство перед лицом общей опасности. Известно, что делавары принимали участие в общих советах Индейской территории, созываемых либо криками, либо чироками. На одном из них в 1843 г. был принят ряд важных решений, направленных на организационное объединение племен, но главным было решение не продавать земли Соединенным Штатам без согласия общего совета племен. Известно, что гражданская война 1861—1865 гг. прервала этот процесс объединения индейцев. В 1880-х годах правительство США провело законодательным путем раздел общинных земель индейцев. Их племенная организация была разрушена. Эти события на некоторое время приостановили движение индейцев за единение.

Все эти события, которые не могли не отразиться на делаварах, так же, как они отразились на других индейцах этой области США, Ньюкомб обходит молчанием.

Как уже было отмечено, Ньюкомб различает две стадии аккультурации: аккультурацию и ассимиляцию. Под аккультурацией он понимает приобщение к более высокой культуре, не означающее еще, однако, потери собственной культуры. Под ассимиляцией подразумевается утрата традиционных черт культуры и постепенное включение ассимилируемой группы в современную нацию США. В книге прослеживается ассимиляция делаваров, поселенных с чироками. По своему образу жизни, как свидетельствует Ньюкомб, эта часть делаваров уже почти ничем не отличается от американской сельской бедноты. Что же касается социальных отношений, то здесь Ньюкомб, утверждая, что делавары и в этом не отличаются от своих «белых» соседей, отмечает, однако, сохранение, подчас в весьма своеобразной форме, пережиточных черт. Прежде всего, у них сохраняется представление о фратриальной принадлежности при полной

утрате родовой организации. К сожалению, автор не показывает, какую роль фратрии играли в жизни делаваров. Насколько явствует из дальнейшего изложения, к ним обращаются при религиозных церемониях.

Своеобразное изменение претерпели брачные обычаи. Так как определить принадлежность к тому или иному роду уже невозможно, у делаваров установилась экзогамия, распространяющаяся на обе группы делаваров Оклахомы. Как правило, делавары вступают в браки только с иноплеменниками. При этом браки заключаются по законам США.

Наиболее прочно, по мнению автора, удерживаются у делаваров религиозные верования и язык. Вместе с тем Ньюкомб показывает, что традиционные обряды делаваров и главный из них — обряд Большого Дома, который некогда собирал всех мужчин племен и служил в годы наивысшего расцвета делаваров объединяющим началом, — исчезают. Место чисто делаварских обычаев занимает пейотизм — распространившаяся в 1880-х годах новая религия индейцев. Делавары, в особенности молодежь, участвуют в общих ночных бдениях приверженцев пейотизма вместе с шауни, виннебаго и сну, оседжами и многими другими индейскими племенами.

Язык делаваров сохраняется главным образом среди индейцев среднего и пожилого возраста. По-английски говорят либо дети, посещающие школу, либо люди в возрасте 20—30 лет, ранее обучавшиеся в школе.

Ньюкомб приходит к выводу, что ассимиляция делаваров далеко не закончена. Более того, они идут сейчас не только по пути их американизации. По мнению Ньюкомба, делавары, более не осознающие себя племенем, чувствуют себя индейцами, сливаясь с другими индейцами США, в первую очередь с индейцами Оклахомы. Этому служат и новые брачные ограничения, и переход к общининдейскому культу пейотизма — «последней нити, связывающей индейцев с их славным прошлым»². Дети от смешанных браков не называют себя ни делаварами, ни другим племенным именем, а просто индейцами.

Что же является причиной этого, как его называют американские авторы, паниндеанизма? Ньюкомб отвечает на этот вопрос очень определенно: изоляция индейцев, дискриминация, которую им приходится терпеть во всех областях общественной жизни, ставящие индейцев в положение угнетенного национального меньшинства.

И. А. Золотаревская

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

E. D. Merrill. *The botany of Cook's voyages and its unexpected significance in relation to anthropology, biogeography and history*. Waltham, Massachusetts, USA, 1954 («Chronica Botanica», vol. 14, No 5/6, стр. 1—IV, 161—384).

Книга Мерилла, как видно из самого ее названия, имеет прямое отношение к этнографии. Крупнейший специалист по флоре Океании, Мерилл в 1952—1953 гг. изучил ботанические коллекции спутников Кука — Бэнкса и Соландера (первое путешествие, 1768—1771) и Форстеров, отца и сына (второе путешествие, 1772—1775). Бэнкс, Соландер и Форстеры были квалифицированными ботаниками (Соландер, например, был любимым учеником Линнея). В составленных ими в неизученном районе различных коллекциях хорошо представлены культурные растения.

Коллекции Бэнкса и Соландера, наиболее полные, собраны на Таити. Они, по мнению Мерилла, дают ясное представление о том, какие виды были известны к началу 70-х гг. XVIII в. во всей Океании (ибо Таити, подчеркивает автор, — центр расселения полинезийцев) и какие появились позднее, будучи занесены европейцами.

Материалы коллекций позволяют автору решительно выступить против тех, кто утверждает, что почти все океанийские растения — американского происхождения и перенесены в Океанию еще в древние времена. Мерилл убедительно показывает, что многие из них были распространены повсюду в тропиках еще до появления человека, другие же, отсутствующие в ранних коллекциях, ввезены в Океанию после открытия островов европейцами. «Данные ботаники, — пишет он, — отчетливо свидетельствуют о том, что все культурные растения Океании, имевшиеся там в 1769 г., возможно, кроме одного, и все многочисленные другие растения, возможно, кроме двух-трех, были принесены намеренно или нечаянно с запада переселенцами, занявшими полинезийский треугольник. Очень немногие пришли из тропической Америки» (стр. 191). Среди этих немногих находится сладкий картофель (*Ipomoea batatas*). Мерилл считает, что он попал в Полинезию из Южной Америки в XII—XIII вв., но не на бальзовом плоту, как полагает Хейердал, так как ни один клубень сладкого картофеля не может сохраниться в сырой атмосфере на уровне моря более шести недель, а плот Хейердала плыл более трех месяцев. Сладкий картофель мог быть перенесен лишь как живое растение в почве, а такой метод применялся только полинезийцами. По мнению Мерилла, полине-

² W. La Barre, *The Peyote cult*, «Yale university Publication Anthropology», 1938, No 19, стр. 116. Цит. по рецензируемой книге W. Newcomb, стр. 118.